

DANIEL OLBRYCHSKI
WSPOMINKI
o WŁODZIMIERZU
WYSOCKIM

Даниэль
ОЛЬБРЫХСКИЙ

От автора:

Почему актер берет в руки перо? Может быть, ему уже нечего играть? Да нет, у меня еще найдется пара ролей для работы. Может быть, он хочет оставить после себя какой-то след — яркий, личный, не сотканный из чужих текстов? Тоже нет. Я пошел бы скорее против течения собственной жизни. И может быть, когда-нибудь возьмусь за это, но, пожалуй, еще не завтра, наверняка не завтра. Почему же я написал эту книжечку? Ибо во множестве интервью — для газет, радио, телевидения — я часто говорил о Владими́ре Высоцком. Из откликов слушателей и читателей я понял, что не должен задерживать для себя одного то, что знаю о нем, что с ним пережил. Ты принадлежал всем, Володя, и они, я верю в это, хотели бы прочитать и такую книгу о Тебе.

По моей просьбе в зале выключили свет. В этой темноте один-единственный прожектор осветил: одинокий микрофон. И раздалась знаменитая «Охота на волков». Перед этим я коротко рассказал, о чем эта песня: облава, поля окружены флажками, известно — под красной тряпичей волк не пройдет. Идет охота. Стая краснышину. Идет охота, падают волки. Только одному удается уйти живым, но известно, что он вернется, ибо там, в снегу, остался его братя.

ло к микрофону. Именно что-то. То что-то, которого ни они, ни, пожалуй, я сам до конца не понимаем. В переверье между съемками Лива что-то внимательно слушала по плееру. Я спросил: — Что ты так слушаешь? Она сняла наушники и возмуженно ответила: — Рахманинова.

Она явно хотела наполниться русской культурой, чтобы с таким пафосом из девятнадцатого столетия войти в роль, воплотиться в свою героиню, но выбрала не тот источник, просто перепутала краны. Лив в своей уборной слушала Рахманинова, поливая сок, а я с группой, выивая граппу, слушал Высоцкого. Я включал им другие записи, переводил тексты. Они были очень взволнованы. Лив этого просто не почувствовала.

Не скрою, я был на нее очень зол. Прошло несколько дней, и я вижу, что Лив читает какое-то интервью в израильской газете. Именно с Идой Нудель! Возбужденная, она обратилась ко мне: — Даниэль, ты знаешь такого поэта... Владимир Висотский! Да, — говорю, — а что? — А то, что моя героиня утверждает, что это ее любимый поэт, что благодаря его песням она выдержала эти годы жизни в неволе. Я должна с ним познакомиться.

— Лив, — говорю я, — как раз три дня назад ты слышала его голос на пленке. И даже не спросила меня, ни кто это такой, ни о чем поет. — А «Охоту на волков» знаешь? — Знаю. Когда ты слушала своего Рахманинова, мы как раз слушали эту песню.

Я произнес это столь холодно и азвительно, что Лив восприняла мои слова как упрек. Она очень умна и впечатлительна, но Высоцкий прошел мимо нее. А ведь работа состоит не в создании фантасма, а в воспроизведении правды. Она совершила профессиональную ошибку. Влияние поэзии Высоцкого на жизнь реальной Иды Нудель было столь велико, что, не зная об этом, нельзя было познать правду этой женщины.

Пусть Лив простит мне этот рассказ. Он ни в чем не может принизить ее талант. Это только шутливая критика ее претензии быть специалисткой по России. Просто она спутала Россию с отавем «Россия».

НАС связывала также страсть к лошадям и автомобилям. Свою первую машину (подержанный «мерседес») Володя купил поздно, а еще позднее научился его водить. Когда же он овладел этим искусством, он ездил быстро и уверенно. Даже ребенок не радуется так электрической железной дороге, как он радовался автомашине. Ничего удивительного, что этой своей страсти он посвятил несколько песен. Одну из первых он написал, наверно, после того, как я провез его в машине по заснеженной Москве. Я щеголял разного рода трюками и шутками. Машина была в порядке, учил меня Собеслав Засада (знаменитый польский автогонщик. — Прим. пер. М. Ч.), и потому ничего ни с кем не случилось, но когда я остановился, Володя вышел, поцеловал землю и сказал: «А сейчас я тебе спую насчет этого». И спел «Горизонт».

Володя любил эту песню и часто пел ее в моем присутствии. Он написал ее, еще не имея водительских прав.

Верхом мы никогда вместе не ездил — не было времени. Он видел мою верховую езду на экране, я о его любви к лошадям мог судить по песням, и этого было достаточно, мы понимали друг друга.

Я ОЧЕНЬ любил песню «Кони привередливые», и Володя знал об этом. Он часто пел ее при мне. Знаючи творчества Высоцкого, поклонники и коллекционеры делают его баллады на разные жанры: трагические и сатирические, комические и лирические, такие и сканье. Мне кажется, все эти деления не имеют смысла, а уж особенно выделение так называемых политических произведений. В сущности все песни Володы в каком-то смысле имеют характер политический, ибо в стране, лишённой свободы слова, каждая метафора, каждое сравнение и шутка — как в старом анекдоте — «ассоциируются» с политикой.

Не нужно было знать Высоцкого лично, чтобы знать, что он думает о мире, в котором мы жили. Достаточно было вслушаться в его песни. Никогда я не разговаривал с Володей о политике. Так уж происходит, что люди с одинаковыми взглядами о них не дискутируют.

Такие разговоры и не возбуждают, и не обогачают. Лишь сталкиваясь с тем, кто мыслит иначе, мы вынуждены размышлять, искать все новые аргументы, предпринимать усилия в полемике. Вот это я люблю, я могу целую ночь так спорить, и это раздражает моих близких, особенно женщин. Я воспаляюсь, как артист на сцене.

Я сам себе находил противников — гебистами начиная, некоторыми членами моей обширной семьи кончая. Некоторые меня даже обогатили, с другими я попусту тратил время. Во всяком случае эти тренировки мнегодились, особенно во время нескольких допросов и чиновничье-шантажистских давлений.

Я никогда не видел Володю в таких ситуациях. Мы всегда встречались в кругу ближайших друзей. Но его необыкновенную аспльчивость я прекрасно понимал. Всем, что ему дал Господь Бог, он стрелял в одного врага — Зло и Глупость. Как все великие артисты. За это их — раньше или позже — любят миллионы. Все. Или почти все. Только где же остались те, что мучают этих всех? Их должно быть немало. Ибо ведь, говоря серьезно, Гитлер с Геббельсом или Сталин с Берией физически не смогли бы уничтожить людей хотя бы одного лагеря. Кто-то же там, на Западе и Востоке, должен был помогать им в их миллионных преступлениях! На одного или двоих Володя бы так, до хрипота, не кричал.

После Володы у меня остались лишь воспоминания, и этого никто у меня не отнимет в отличие от кассет. Больше всего я жалею об одной — подарке с московских поминков — с записью единственного, кажется, телевизионного выступления Володы, записанного примерно за полгода до его смерти. Первый раз позволил мне, а точнее его песням, войти в телевизионную студию. Это было бы невозможно без давления его друзей. Они знали, что он болен, чувствовал, что он может неожиданно уйти. Осознали, что следует поторопиться и немедленно, сейчас зарегистрировать все, что только удастся. Это было вовсе не так легко. Получить разрешение на телевизионную запись песен Высоцкого в его собственном, авторском исполнении в той эпохе граничило с ярким политическим успехом.

Друзья Володы прибегли к следующему фортелло: убедили, кого следует, что в передаче, посвященной кинематографии, Высоцкий расскажет о песнях, которые написал к разным фильмам. То есть представит произведения, которые уже проблись сквозь цензуру, существовали в официальном обороте.

В студии он был один, говорил не только об отдельных произведениях, но и том, как и почему лишет, каким образом выбирает темы, мотивы. Чувствовалось, что ему это было безусловно важно, видно было, как он старается, чтобы программа сиякала благосклонность чиновников. Однако время от времени что-то в этом проskalывалось, и тогда из режиссерской кабины раздавалось категорическое «стоп!». В окончательной версии видны отчетливые следы вырезок. Я знаю, что его инструкторы во время записи, подсказывали, что можно, а что нет. Володя спокойно принимал все замечания, ибо знал, где живет. Слушал этих людей и только смотрел вверх, исподлобья, меняя, смягчая, подвергая цензуре себя самого.

Кассету с телевизионной программой Володы в первый раз я смотрел во время памятных поминков в Москве. Я был потрясен тем, что такое вообще существует, что государственное телевидение согласилось зарегистрировать выступление Высоцкого. Та самая предусмотрительность, которая велела чиновникам дать разрешение на запись программы, не позволила им выразить согласие на ее выпуск в эфир. Лишь при Горбачеве телевидение показало это выступление. Вскоре после этого фрагменты этой записи смогли посмотреть и мы.

Я получил эту кассету от сына Володы. Он провозил меня вместе с Мариной в аэропорт и, когда мы прощались, незаметно сунул ее мне за пазуху. Провожал меня также — а как же! — некий господин. Только его присутствию я обязан тем, что меня не обыскали и не отобрали этот «подрытый материал». Должен признаться, что, впуская меня тогда на одну-единственную ночь, мне оказали большую любезность. Ибо это было после 31 августа. Мы помним, какие настроения господствовали тогда у соседей, что писала советская пресса, агентство ТАСС и прочие «Руде право».

Привезенную из Москвы кассету я использовал во время поминков по Володе 1 ноября в варшавской Старой Прохове. В тот вечер Яцек Качмарский пел свою

феноменальную «Эпитафию для Владимира Высоцкого», Млынарский представил свои первые переводы песен Володи, Марек Перепечко прекрасно спел «Прижок вверх».

Сценография была очень скромной: одинокая гитара и фото Володы, вываченные из темноты лучом света. Володя в начале каждого концерта исполнял песню о горном эхо, и потому мы тоже начали поминки этим произведением в его собственном исполнении.

После «Эха» я взял микрофон в руку и, переодетый в свой старый гамлетовский костюм, стал лихорадочно произносить последний монолог:

Я умираю;
Могучий ад затмил мой дух; из Англии
Вестей мне не узнать, Но предкеваю:
Избрание падет на Фортинбраса;
Мой голос умирающей — ему;
Так ты ему скажи и всех собитий
Открой причину. Дальше — тишина.

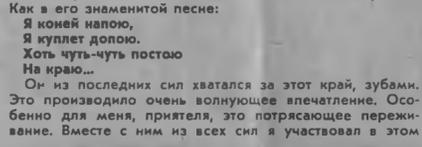
(Перевод М. Лозинского).

МЫ С ВОЛОДЕЙ были коллегами по «Гамлету». Я играл принца датского в Национальном театре четырёх года. Он на Таганке много больше.

Я увидел его в этой роли лишь в Варшаве в 1980 году. Он прилетел прямо из Парижа, уже в очень плохом состоянии. До конца не было известно, приедет ли он вообще. Собирались даже отменить «Гамлета», а «Добрый человек из Сезуана» должен был идти с его дублером. Но я уприсил Марину погрузить Володю в самолет, чтобы он все-таки приехал.

Приехал и сыграл. Мы могли наконец увидеть его в самой знаменитой роли. Это был уже очень уставший человек, но играл он феноменально без единого лишнего жеста, гримасы. Он был абсолютно сосредоточен на смысле шекспировского шедвера и на том, что он самовольно вносил в этот спектакль. К сожалению, он был не в состоянии продемонстрировать все свои актерские возможности и возможности, которые позволяют проявить эта роль. Он заметил экономил силы, чтобы выдержать до конца. Высоцкий, блистательный актер, использовал это с максимальной точностью и чистотой. Это была борьба и одновременно бег наперегонки с собственной жизнью. Чтобы успеть.

Как в его знаменитой песне:
Я коней напую,
Я куплет допую.
Хоть чуть-чуть постою
На краю...
Он из последних сил хватался за этот край, зубами. Это производило очень волнующее впечатление. Особенно для меня, приятеля, этого потрясающего переживания. Вместе с ним из всех сил я участвовал в этом

напряжени и потому не помню подробностей его игры. Особое внимание я обратил лишь на то, как Володя говорил самый знаменитый и, как говорят, самый важный монолог «Быть или не быть», который в действительности стал таковым лишь в XIX веке. Могут указать в «Гамлете» несколько других фрагментов, более существенных и важных, чем проблема «быть или не быть», между тем именно она сделала карьеру. В своем исполнении Володя сознательно преуменьшал эту проблему, словно удивлялся Шекспиру, который по-

жертвовал этому столько места. Более того, в каком-то мгновение он начал буквально издеваться над этим монологом и его автором. Как будто заявил: о чем тут речь! что здесь так рассусолювать! убить себя или нет! С яростью, равной ярости его песен, он начал рубить текст, словно давая понять: если быть, то действовать, если, не быть, то лучше как можно скорее. Это говорил мужчина зрелый, мятежный, сознаний, что делает, эмоционально и интеллектуально много старше шекспировского Гамлета. Гамлет Высоцкого пережил после Шекспира еще несколько адских столетий на этой земле.

«Изыграть» Гамлета до конца невозможно. Несколько сот раз я надевал его костюм и на каждом спектакле

также чувствовал, будто обнимаю стол огромного дерева. У меня слишком короткие руки, и я не могу коснуться того, что по другую сторону дерева. И это более всего меня привлекало. И другая сторона открывалась мне каждый раз иначе в очередных спектаклях. Но то, что показал Высоцкий, было для меня, пожалуй, самым интересным, вероятно, потому, что он был там в чем-то похож на меня, но старше, опычнее. Глядя на его Гамлета, я чувствовал, что старею вместе с Высоцким.

Письмо Марины Даниэлю

Дорогой Даниэль, мой брат. Как мне грустно сегодня. Володе исполнилось бы как раз 52 года. Он был бы в расцвете лет. Он был бы готов обьезжать лошадей. Готов издеваться над выскочками. Биться за правду.

Как не хватает его нам! Как не хватает его мне... Он столько сделал, чтобы сокрушить этот слишком известный железный занавес, а сейчас не может увидеть его обломки.

Он первый говорил о Варшаве — городе агонизирующем, задыхающемся от коммунизма, а сегодня не может по ней прогуляться, радуясь ее демократическому возрождению.

Не кажется ли тебе, что некоторые люди, для которых путешествия в Восточную Европу стали «святой обязанностью», были бы описаны в одной из самых ехидных песен Высоцкого!

Так попробуем, дорогой Даниэль, улыбнуться. Он не хотел бы смотреть на наши грустные мины. Ему причитается это от нас.

У него был не только необыкновенный талант. Он любил жизнь, у него было чувство юмора... Спасибо тебе за то, что ты делал все, чтобы об этом знали. Целую тебя, Марина Влади.

Перевел с польского
Мирон ЧЕРНЕНКО.

- Два Гамлета — Д. Ольбрыхский и В. Высоцкий. Фото Леопольда Дзиковского.
- «На меня направлен суарх почт...». Фото Валерия Плотникова.

ПОМИНАЯ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

хотел представить друга моему французскому коллеге, поделиться Высоцким. Со многими я так делился, всегда слишком эмоционально, слишком щедро. Чаще всего это происходило с помощью записки Володи. Я пытался по ходу переводить и — что за кретинизм — даже подпевать ему. И всегда, все равно кто — поляки, французы или американцы, — просили меня перестать. Ибо все было ясно. С Азнавуром было точно так же. Я включил ему «Две гитары» — Шарль ввел позже во Франции в моду этот цыганский шлягер.

Здесь я должен похвастаться, что есть и моя доля в окончательном звучании этой песни. Володя пел ее на каком-то приеме, когда я уже так раздухарился, что после очередного «эх, раз!» опрокинул залпом целый стакан водки. «Да что ты!» — ввернул, увидев это, Высоцкий, в ритме песни, но нормальным своим голосом. Оказалось, что эту реплику он включил навсегда в текст песни, считая, что это звучит очень по-цыгански.

Я внимательно наблюдал за Азнавуром, слушающим «Две гитары». Этот очень говорливый мужчина, которого невозможно было прервать, молчал целых пять минут! — столько длится произведение Высоцкого. Потом он встал, попросил ключик от мини-бара, налил себе стопку водки. Выпил и по-прежнему молчал! Вышел. Я проводил его до самого номера. Прощаясь, он сказал, выдавая характерным образом нижнюю челюсть: «Он не поет, он выbleвывает. Лучше, чем я».

Я долго ждал связи с Варшавой. Во втором часу ночи трубку взяла Зузя. Володя уже спал. Я попросил ее передать ему слова Азнавура.

ФЕСТИВАЛЬ в большом зале «Оливии» организовала гданьская «Солидарность». Съехались барды со всей Польши. Среди них: Яцек Качмарский, Анджей Гарчарек, Мацей Зембаты и многие другие. Мне поручили вести это мероприятие, а также объявить результаты конкурса. Больше всего мне понравилась песня Яцека Качмарского, но победила другая — не лучшего вкуса, обращенная к самым примитивным политическим инстинктам. Я вышел и сказал:

— Господи! Вердикт уже вынесен, но я не могу под конец этого фестиваля не поделиться с вами моими размышлениями. Несомненно, что эти великопелные — во всяком случае, некоторые — поэты, барды, поющие под гитару свои стихи, вполне оригинальны. Но их литературная и эмоциональная родословная ведется от знаменитых русских певцов и поэтов. Прежде всего от Булата Окуджавы, а в последнее время от все более известного в Польше Владимира Высоцкого. К сожалению, он уже год как умер. Я думаю, что если бы он жил и если бы получил визу в Польшу, в чем я не слишком уверен, то его выступление увенчало бы этот фестиваль. Он умер, проблемы с визой больше нет. Так дадим ему духовную визу! Я хотел бы закончить нашу встречу песней в его исполнении.

Я не был уверен в реакции зала. Пять тысяч людей — это толпа, и совсем нелегко ее направить. Даже самый популярный конференсе может столкнуться с трудностями, ибо это действительно искусство — владеть столь разболтанной публикой, а тем более предложить что-либо против ее воли. И все же наступила тишина. Володя пел, а я смотрел, как все медленно, медленно встает с мест. Вот так Владимир Высоцкий принял участие в нашем празднике.

В ТО ВРЕМЯ, когда перестройка еще никому не снилась, а те, кому снилась, сидели в тюрьмах, итальянский режиссер Мауро Болоньини предложил мне роль в фильме об Иде Нудель, русской диссидентке еврейского происхождения. Ее играла Лив Ульман. А я был ее киножужем-поэтом. В одном из интервью, которое я тогда давал, я сказал: «Мы делаем этот фильм как бы в порядке замещения, ибо куда лучше бы его сделали и сами русские. Им принадлежит право на эту тему. И обязанность ее реализовать. К сожалению, в нынешней ситуации это наше замещение необходимо. Искусство не может молчать об этом. Пока русские не могут говорить о себе собственным голосом, но когда-нибудь это, наверно, изменится». Одним словом, я как будто предчувствовал то, что произошло позже.

Я не представлял себе, что в фильме, который должен воссоздать интеллектуальную и эмоциональную атмосферу диссидентских кругов в России, могло не оказаться одного из духовных столпов этого общества. Звучание песен Высоцкого казалось мне абсолютно необходимым. Я предложил это режиссеру, а он придумал сцену, в которой я прошу Лив, мою жену, послушать, что о людях в нашем положении поет Высоцкий. Кстати, его имя в этой сцене не называлось.

Мы начали репетировать, я включил магнитофон. Лив не прореагировала и каким-то образом испортила запись. Она вообще эти не заинтересовалась! В противоположность всей группе, которая тесно сгрудилась у магнитофона, привлеченная голосом и экспрессией. В переверье я был вынужден долго объяснять, о чем поет Высоцкий — это было «Эхо» — и что он вообще такой. Смотрите, — это действует! Еще раз натянута струна. Международная группа, по-русски ни в зуб, а все-таки что-то их привлекало, притяну-

Друзья Володы прибегли к следующему фортелло: убедили, кого следует, что в передаче, посвященной кинематографии, Высоцкий расскажет о песнях, которые написал к разным фильмам. То есть представит произведения, которые уже проблись сквозь цензуру, существовали в официальном обороте.

В студии он был один, говорил не только об отдельных произведениях, но и том, как и почему лишет, каким образом выбирает темы, мотивы. Чувствовалось, что ему это было безусловно важно, видно было, как он старается, чтобы программа сиякала благосклонность чиновников. Однако время от времени что-то в этом проskalывалось, и тогда из режиссерской кабины раздавалось категорическое «стоп!». В окончательной версии видны отчетливые следы вырезок. Я знаю, что его инструкторы во время записи, подсказывали, что можно, а что нет. Володя спокойно принимал все замечания, ибо знал, где живет. Слушал этих людей и только смотрел вверх, исподлобья, меняя, смягчая, подвергая цензуре себя самого.

Кассету с телевизионной программой Володы в первый раз я смотрел во время памятных поминков в Москве. Я был потрясен тем, что такое вообще существует, что государственное телевидение согласилось зарегистрировать выступление Высоцкого. Та самая предусмотрительность, которая велела чиновникам дать разрешение на запись программы, не позволила им выразить согласие на ее выпуск в эфир. Лишь при Горбачеве телевидение показало это выступление. Вскоре после этого фрагменты этой записи смогли посмотреть и мы.

Я получил эту кассету от сына Володы. Он провозил меня вместе с Мариной в аэропорт и, когда мы прощались, незаметно сунул ее мне за пазуху. Провожал меня также — а как же! — некий господин. Только его присутствию я обязан тем, что меня не обыскали и не отобрали этот «подрытый материал». Должен признаться, что, впуская меня тогда на одну-единственную ночь, мне оказали большую любезность. Ибо это было после 31 августа. Мы помним, какие настроения господствовали тогда у соседей, что писала советская пресса, агентство ТАСС и прочие «Руде право».

Привезенную из Москвы кассету я использовал во время поминков по Володе 1 ноября в варшавской Старой Прохове. В тот вечер Яцек Качмарский пел свою

